

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
20 December 2019
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 860/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Т.М. (представлен адвокатом Даниелем Карнестедтом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	21 января 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 23 января 2019 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата настоящего решения:</i>	6 декабря 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Российскую Федерацию
<i>Процедурный вопрос:</i>	приемлемость – явно недостаточная обоснованность
<i>Вопрос существа:</i>	опасность применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в случае высылки в страну происхождения (невыворение)
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Автором сообщения является Т.М., гражданин Российской Федерации 1981 года рождения. На момент представления настоящего сообщения он содержался под стражей в ожидании исполнения вынесенного в его отношении постановления о высылке. Заявитель утверждает, что Швеция нарушит его права, предусмотренные в статье 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих

* Принято Комитетом на его шестьдесят восьмой сессии (11 ноября – 6 декабря 2019 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участия следующие члены Комитета: Эссади Бельмир, Фелис Гаер, Абдельвахаб Хани, Клод-Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон и Себастьян Тузе. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15 правил процедуры Комитета, и пунктом 10 руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебских принципов) Бахтияр Тузмухамедов не участвовал в рассмотрении сообщения.

достоинство видов обращения и наказания, если она вышлет его в Российскую Федерацию. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 23 января 2018 года в соответствии с пунктом 1 правила 114 своих правил процедуры (CAT/C/3/Rev.6) Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, направил государству-участнику просьбу воздержаться от возвращения заявителя в Российскую Федерацию, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета. 10 сентября 2018 года Комитет, действуя через того же Докладчика, отклонил просьбу государства-участника от 19 июля 2018 года об отмене запроса в отношении принятия временных мер.

Обстоятельства дела¹

2.1 Заявитель, его супруга и трое их детей прибыли в Швецию в августе 2012 года и 25 августа 2012 года подали там ходатайство о предоставлении убежища. В своем ходатайстве о предоставлении убежища заявитель отметил, что в конце 1990-х годов его отец был советником тогдашнего президента Чеченской Республики Аслана Масхадова. В 1999 году отец, мать, братья и сестры заявителя покинули Чечню после того, как Рамзан Кадыров, нынешний глава Республики, приказал верным ему ополченцам убить отца заявителя. Отец заявителя был арестован в Египте по запросу российских властей. По утверждению заявителя, после подачи петиции со стороны членов его семьи и других чеченцев, проживающих в Египте, египетские власти согласились вместо этого выслать отца заявителя в Турцию, где он до сих пор находится на законных основаниях. Рамзан Кадыров продолжает называть отца заявителя врагом режима и считает его духовным лидером своих оппонентов. Поскольку заявитель был правой рукой своего отца до его бегства в Египет, заявитель утверждает, что он также подвергается опасности преследований по тем же причинам. Он также утверждает, что члены его семьи являются последователями ваххабитской веры.

2.2 Заявитель отмечает, что после отъезда его отца из страны он остался в их родном районе для продолжения работы и женился там в 2001 году. В период 1999–2002 годов он помогал повстанческому движению, доставляя раненных в больницы и обеспечивая их питанием и жильем. Заявитель утверждает, что в августе 2002 года российские власти похитили, допросили и пытали его, стремясь узнать, помогал ли он повстанцам. Через шесть дней они освободили его после уплаты взятки. Когда позднее водитель, одолживший автомобиль заявителя, был арестован властями, полагавшими, что он является владельцем автомобиля, заявитель покинул Российскую Федерацию и направился в Азербайджан, где он воссоединился со своей женой.

2.3 Впоследствии заявитель проживал в Азербайджане, Турции, Египте и, наконец, в Дубае, каждый раз на основании вида на жительство. Заявитель утверждает, что власти Дубая изъяли у него и его семьи вид на жительство и впоследствии согласились выслать его в Азербайджан вместо Российской Федерации после того, как он объяснил им, что он не может туда возвращаться.

2.4 Когда заявитель в августе 2012 года въехал в Швецию, он спрятал свой действующий российский паспорт в контейнере перед пограничным контролем в аэропорту. Сотрудники пограничной полиции отыскали паспорт после того, как заявитель сообщил им, где он его спрятал. Заявитель располагал действующим и просроченным российскими паспортами. Он утверждал, что получил паспорта через посредника в Российской Федерации, поскольку на момент их выдачи находился за границей. Шведские власти установили, что фотография в действующем паспорте заявителя была поддельной, и поэтому конфисковали документ. Они установили, что просроченный паспорт является подлинным и оригинальным документом. Заявитель также представил два водительских удостоверения для подтверждения своей личности, одно из которых все еще действовало и было выдано в Дубае, тогда как срок действия другого удостоверения, выданного в Российской Федерации, уже истек.

¹ Справка об обстоятельствах дела была подготовлена на основе представлений заявителя и государства-участника.

2.5 26 августа 2013 года Миграционное агентство Швеции отклонило ходатайства заявителя и членов его семьи о предоставлении убежища и приняло решение об их высылке в Российскую Федерацию. Оно пришло к выводу о том, что история, изложенная заявителем в обоснование просьбы об убежище, не является ни достоверной, ни достаточной для того, чтобы считать его нуждающимся в международной защите. В частности, Миграционное агентство поставило под сомнение утверждение заявителя о том, что по возвращении в Российскую Федерацию ему грозила бы опасность подвергнуться такому обращению со стороны сил Рамзана Кадырова, которое противоречит статье 1 Конвенции. Оно опровергло утверждение заявителя о том, что его приверженность ваххабизму обуславливает необходимость предоставления международной защиты. Помимо этого, был поставлен под сомнение его рассказ о том, что египетские власти, которые якобы арестовали его отца по запросу чеченских властей, отправили его не в Чечню, а в Турцию. Миграционное агентство отметило, что заявитель не представил никаких письменных доказательств ведения его отцом оппозиционной Ахмату Кадырову деятельности. Оно пришло к выводу о том, что ничто не дает оснований полагать, что заявитель разыскивается или мог бы подвергнуться обращению, дающему основания для международной защиты, по причинам деятельности его отца или его собственной заявленной религиозной принадлежности.

2.6 Далее Миграционное агентство отметило, что предполагаемое сотрудничество заявителя с чеченскими повстанцами имело место относительно давно. Миграционное агентство сочло, что его утверждение о появлении у сил Рамзана Кадырова подозрений относительно его сотрудничества с повстанцами было неясным и основывалось на догадках. По мнению Агентства, рассказ заявителя о том, что в 2002 году его автомобиль был захвачен, а водитель был задержан для допроса, не дает достаточных оснований для вывода о том, что заявитель представлял бы интерес для Рамзана Кадырова и его сил. Миграционное агентство также отметило, что после 2002 года жена и дети заявителя четыре или пять раз приезжали в Чечню навестить родственников, хотя его жена не показывалась на людях, чтобы ее не заметили. Почти всем известно о ее свекре и о том, что она замужем за его сыном. Однажды кадыровец спросил ее родственницу, кто она и почему носит чадру. В нескольких других случаях люди спрашивали ее, кто отец ее детей. После этого она как можно скорее уехала из Чечни. Миграционное агентство пришло к выводу о том, что заявитель убедительно не продемонстрировал, что либо его отец, либо сам заявитель представляли бы интерес для чеченских властей.

2.7 В процессе обжалования в Суде по миграционным делам при Стокгольмском административном суде заявитель представил два оригинала справок, одна из которых, как утверждается, была выдана «Полномочным представителем Президента Чеченской Республики Ичкерия в Европе», а другая, как утверждается, касалась аннулирования его визы в Дубае. Заявитель также сослался на ряд веб-сайтов, на которых размещены статьи о его отце. В неуточненный день Суд по миграционным делам провел устное слушание с участием заявителя, в ходе которого один из свидетелей дал показания в поддержку утверждений заявителя о политической деятельности его семьи и об аресте его отца.

2.8 28 марта 2014 года Суд по миграционным делам отклонил апелляцию заявителя. Суд счел, что представленные документы не являются убедительным доказательством заявленной им потребности в международной защите. Далее Суд признал устное выступление заявителя лишенным ясности и не содержащим целесообразного объяснения неувязок, вызывающих сомнение в достоверности утверждений. В частности, заявитель не представил разумного объяснения того, как ему и его жене удалось без проблем получить свидетельство о браке, свидетельства о рождении детей и паспорта после его отъезда из Российской Федерации. Что касается политической деятельности заявителя, то Суд отметил, что он предположительно вел ее давно и что ничто не свидетельствует о том, что он играл видную роль в оппозиции. Информация о положении в Российской Федерации также не подтверждает его заявления о необходимости в международной защите на этом основании. Кроме того, заявитель принял решение остаться в Российской Федерации в течение трех лет после бегства его отца, и ничто не позволяет предположить, что в этот период он подвергся

обращению, дающему основания для международной защиты. Суд также отклонил аргумент заявителя о том, что его приверженность ваххабизму является основанием для международной защиты, отметив, что он не играл какой-либо заметной или активной религиозной роли. Суд пришел к выводу о том, что заявитель не смог продемонстрировать, что он представлял бы особый интерес для властей в стране его происхождения или что он тем или иным образом рисковал подвергнуться обращению, дающему основания для защиты, после его возвращения.

2.9 В неуточненный день заявитель и его семья обжаловали решение Суда по миграционным делам, но 12 июня 2014 года Апелляционный суд по миграционным делам отказал им в разрешении на подачу апелляции. Таким образом, решения о высылке заявителя и членов его семьи стали окончательными и не подлежащими обжалованию.

2.10 20 марта 2015 года Миграционное агентство предоставило жене и детям заявителя постоянный вид на жительство на основании медицинских показаний, препятствующих высылке старшего сына заявителя, который страдал так называемым синдромом отстраненности². Заявителю такой вид на жительство не был предоставлен, поскольку он подозревался в совершении тяжких уголовных преступлений, включая убийство и шантаж, и не имел действительного паспорта. Вместо этого ему на 12 месяцев был предоставлен временный вид на жительство, который был действительным до 4 июня 2016 года.

2.11 11 мая 2016 года Сольненский районный суд признал заявителя виновным в подготовке к совершению убийства и в шантаже. Суд приговорил его к наказанию в виде тюремного заключения сроком на четыре года и восемь месяцев. Один из двух соотечественников заявителя, Х, также имевший чеченское происхождение, был признан лицом, которому угрожает преследование по возвращении в Российскую Федерацию по причине его политической принадлежности к противникам режима в Чечне и в силу того, что он разыскивался за несколько убийств, предположительно совершенных во время войны в Чечне. 22 марта 2013 года Верховный суд Швеции отклонил запрос о выдаче Х в Российскую Федерацию на том основании, что он подвергается опасности преследований, угрожающих его жизни или здоровью, поскольку он считается врагом режима.

2.12 Кроме того, после консультирования с Комитетом по социальному обеспечению и Миграционным агентством Швеции относительно возможных последствий высылки заявителя для его детей Сольненский районный суд издал предписание о его высылке с запретом на возвращение в Швецию до 11 мая 2026 года. По заключению районного суда, заинтересованность общества в предотвращении совершения заявителем дальнейших преступлений перевешивает соображения Комитета по социальному обеспечению, согласно которым наилучшие интересы детей будут соблюдены, если заявитель продолжит пребывание в государстве-участнике. В своей рекомендации Миграционное агентство заявило, что оно не считает, что связи заявителя со Швецией являются препятствием для его высылки, и районный суд не нашел оснований для отклонения этого мнения.

2.13 В апелляционной жалобе, представленной в Апелляционный суд Свеаланда, заявитель утверждал, что, поскольку он уже был осужден за преступление в Швеции вместе с Х, он теперь представляет дополнительный интерес для российских властей. 8 декабря 2016 года в ожидании решения по апелляции заявитель обратился с ходатайством о выдаче ему вида на жительство на основании наличия препятствий для исполнения постановления о его высылке, в отношении которых он представил показания нескольких чеченских организаций. Он также представил эти показания в Апелляционный суд, проводящий разбирательство по его уголовному делу. Заявитель также утверждал, что существует новое обстоятельство, которое состоит в том, что теперь он также был вызван на допрос в Министерство внутренних дел Чечни

² Старшего сына заявителя кормили через трубку в течение 10 месяцев, он не реагировал, когда к нему обращались, и в течение этого времени в основном не осознавал происходящее. Осенью 2015 года было замечено, что старший сын заявителя был в полном сознании, самостоятельно питался и вернулся в школу.

6 октября 2016 года. Он предоставил Миграционному агентству оригинал повестки и дал ссылку на видеозапись в Ютубе, сделанную в феврале 2015 года, в которой Рамзан Кадыров, как утверждается, заявил, что он «ранее убивал таких людей, как они», упомянув об отце заявителя. В своем заявлении в Апелляционный суд от 22 февраля 2016 года Миграционное агентство подтвердило свое мнение об отсутствии препятствий для исполнения постановления о высылке.

2.14 В своем решении от 7 октября 2016 года Апелляционный суд Свеаланда уменьшил срок наказания заявителя в виде лишения свободы до трех лет и восьми месяцев, но подтвердил решение районного суда во всех других отношениях, включая оценку мнения Миграционного агентства об отсутствии препятствий для исполнения постановления о высылке. Заявитель обжаловал это решение в Верховном суде, который 10 января 2017 года принял решение не давать разрешения на представление апелляции, тем самым сделав судебное решение окончательным и не подлежащим обжалованию.

2.15 15 января 2018 года Миграционное агентство Швеции отклонило ходатайство заявителя о предоставлении ему вида на жительство. Оно не нашло оснований для повторного рассмотрения вопроса о наличии у заявителя права на вид на жительство или обоснованности постановления о высылке. Что касается видеозаписи с заявлением Рамзана Кадырова 2015 года, то Миграционное агентство установило, что такая видеозапись не была предоставлена в его распоряжение. Заявитель не обжаловал решение Миграционного агентства. Он отмечает, что у него не имеется эффективного средства правовой защиты, поскольку подача апелляции не привела бы к автоматическому приостановлению процедуры исполнения постановления о высылке.

2.16 23 января 2018 года, в день запланированного освобождения заявителя из тюремного заключения, шведская полиция задержала его для исполнения постановления о высылке. В тот же день Миграционное агентство после просьбы Комитета о принятии временных мер приняло решение приостановить исполнение постановления о высылке заявителя до дополнительного распоряжения. Миграционное агентство, которое каждые два месяца пересматривает решения о содержании под стражей, постановило оставить заявителя под стражей.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что имеются серьезные основания полагать, что в случае его возвращения в Российскую Федерацию он рискует подвергнуться пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Ввиду этого высылка государством-участником заявителя являлась бы нарушением статьи 3 Конвенции.

3.2 Оценка властей государства-участника, согласно которой заявитель не нуждается в международной защите, является неверной. Оценка была сформулирована без придания должного веса политической деятельности его отца, его собственному содействию повстанческому движению в Чечне до его отъезда и его связям с Х. Как признали власти государства-участника, Х является известным противником режима в Чечне и по возвращении туда рискует подвергнуться обращению, противоречащему статье 1 Конвенции, со стороны чеченских властей. Люди, которые ранее были связаны с Х, подвергались пыткам.

3.3 Кроме того, власти государства-участника не придали должного веса тому факту, что Рамзан Кадыров продолжает упоминать отца заявителя как врага режима на видеозаписи, которую заявитель предоставил шведским властям. В частности, в контексте обжалования заявителем своего осуждения по уголовному делу отмечается, что в рекомендации Миграционного агентства не были учтены ни дополнительные документы, представленные чеченскими организациями, ни видеозапись с заявлением Рамзана Кадырова 2015 года, которую Миграционное агентство получило только после того, как оно уже представило свою рекомендацию Апелляционному суду Свеаланда. Помимо этого, в решении Миграционного агентства от 15 января 2018 года ошибочно указано, что в распоряжение властей не было предоставлено никаких видеоматериалов.

3.4 Заявитель также ссылается на общее положение в области прав человека в Чечне, которое, по его утверждению, характеризуется широким распространением пыток и коллективных наказаний за оппозицию к режиму.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях в отношении приемлемости и существа сообщения от 19 июля 2018 года государство-участник ссылается на свое соответствующее внутреннее законодательство и подчеркивает, что шведские власти рассматривали дело заявителя в соответствии со шведским Законом об иностранцах от 2005 года и статьей 3 Конвенции. Оно напоминает о фактах, на которых основано сообщение, а также об утверждении заявителя.

4.2 Государство-участник не оспаривает утверждение об исчерпании заявителем внутренних средств правовой защиты. Однако оно утверждает, что сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции и правилом 113 b) правил процедуры, поскольку утверждение заявителя о том, что его высылка в Российскую Федерацию будет равносильна нарушению статьи 3 Конвенции, не было обосновано до минимально допустимого уровня. Однако, если Комитет признает сообщение приемлемым, он должен прийти к выводу о том, что высылка заявителя в Российскую Федерацию не будет являться нарушением Конвенции.

4.3 Из оценок, подготовленных Миграционным агентством Швеции и судами, явствует, что они тщательно изучили устные и письменные представления заявителя. Государство-участник напоминает, что ранее Комитет придерживался мнения о том, что факты и доказательства должны оцениваться судами государства-участника, а не Комитетом, если только такая оценка не является явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. В данном деле нет никаких оснований делать вывод о том, что оценки властями государства-участника утверждения заявителя о необходимости в международной защите были произвольными или равносильными отказу в правосудии. Таким образом, этим оценкам необходимо придавать значительный вес.

4.4 Далее государство-участник утверждает, что, хотя оно не желает недооценивать озабоченности, которые могут быть законно выражены в отношении нынешнего положения в области прав человека в Российской Федерации, общее положение в области прав человека в Российской Федерации не является таким, чтобы возникла всеобщая потребность в защите всех просителей убежища.

4.5 Кроме того, заявитель не продемонстрировал, что ему лично угрожает реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 1 Конвенции, по его возвращении в Российскую Федерацию. Как Миграционное агентство Швеции, так и суды при рассмотрении его иммиграционного и уголовного дел проводили слушания и собеседования, а также тщательные проверки. Таким образом, заявитель имел несколько возможностей устно и письменно подкрепить свое утверждение дополнительными аргументами. Ввиду этого шведские власти располагают достаточной информацией для адекватной оценки требования заявителя о предоставлении международной защиты.

4.6 В своей общей оценке дела заявителя Миграционное агентство определило, что изложенные им факты в обоснование просьбы об убежище не являются ни достоверными, ни достаточными для того, чтобы считать его нуждающимся в международной защите. А именно, в своем решении в первой инстанции от 26 августа 2013 года Миграционное агентство подвергло сомнению рассказ заявителя о его контактах с российскими властями и о его местонахождении на момент выдачи его паспорта в 2004 году. Оно сочло, что штампы во внутреннем паспорте заявителя, проставленные в 2004 и 2006 годах, а также штампы о регистрации его детей свидетельствуют о том, что заявитель находился в Российской Федерации в 2004 и 2006 годах и контактировал с российскими властями.

4.7 Миграционное агентство также оспорило утверждения о подлинности справки чеченского представительства за рубежом и письма, предположительно поступившего от представителя Чеченской Республики Ичкерия, вследствие их простого характера, отсутствия печатей, наличия орфографических ошибок и неясности в отношении источников их происхождения.

4.8 Кроме того, Миграционное агентство поставило под сомнение рассказ заявителя о решении египетских властей о высылке его отца в Турцию с учетом того, что именно российские власти запросили его арест. Миграционное агентство также сочло неправдоподобным утверждение заявителя о том, что власти Дубая отозвали его вид на жительство и решили выслать его в Азербайджан, т. е. в страну, в которой он не имел права оставаться или находиться и которая, более того, имеет с Российской Федерацией соглашение о выдаче. Миграционное агентство оспорило утверждение заявителя о том, что основанием для его высылки из Дубая могла стать его связь с движением «Братья-мусульмане».

4.9 Кроме того, возвращение заявителя и его семьи в Российскую Федерацию и выдача им российских выездных и других официальных документов свидетельствуют о том, что российские власти не проявляли особого интереса к заявителю. Заявитель не представил Комитету никаких новых сведений или доказательств, которые заслуживали бы иного вывода.

4.10 Заявитель утверждает, что Миграционное агентство неверно отметило в своем решении от 15 января 2018 года, что он не дал ссылки на видеозапись заявления Рамзана Кадырова 2015 года. Однако при разбирательстве по уголовному делу заявителя Апелляционный суд Свеаланда прямо сослался на эту видеозапись в своем решении, в связи с чем эта видеозапись должна считаться приобщенной к материалам дела, рассмотренным судом. Далее заявитель имел возможность обжаловать решение Миграционного агентства от 15 января 2018 года. В этом случае Суд по миграционным делам имел бы возможность принять решение о приостановлении исполнения постановления о высылке. Хотя подача апелляции не привела бы к автоматическому приостановлению исполнения постановления о высылке, оно было приостановлено после получения просьбы Комитета о принятии временных мер. Таким образом, заявитель имел доступ к эффективному средству правовой защиты.

4.11 Что касается ходатайства заявителя о защите в связи с политической деятельностью его отца, то государство-участник напоминает, что заявитель оставался в своем родном городе после бегства его отца в 1999 году, женился, работал и помогал повстанческому движению, обеспечивая его участников продовольствием и жильем. Он не утверждал, что в это время он находился в розыске или подвергался жестокому обращению по причине деятельности его отца или религиозных убеждений или что его отец продолжал свою политическую деятельность после 1999 года. Кроме того, заявитель не снял вопросы в отношении достоверности его рассказа о допросе и применении пыток.

4.12 Утверждение заявителя о том, что ему угрожает опасность подвергнуться обращению в нарушение статьи 1 Конвенции по возвращении в Российскую Федерацию в результате его отношений с X как с соучастником, осужденным с ним по одному уголовному делу в Швеции, является надуманным. В предполагаемой повестке о вызове на допрос в Чечне не упоминается ни преступление, в котором подозревается заявитель, ни когда она была выдана. Вся повестка была написана одним и тем же почерком, несмотря на то, что некоторые ее части должны заполняться получателем. Сомнительно, что российские власти направили бы заявителю повестку о вызове на допрос в Российскую Федерацию, зная, что он и X были приговорены в Швеции к тюремному заключению и поэтому не смогут явиться на допрос. Кроме того, заявитель не был знаком с X до прибытия в Швецию и не утверждал, что вел с ним какую-либо совместную политическую или религиозную деятельность. Если российские власти и знали об осуждении заявителя и X по одному делу в Швеции, то их связь ограничивалась бы совместным совершением преступления. Поэтому государство-участник оспаривает утверждение заявителя о том, что российские власти сочтут целесообразным допрос заявителя относительно X или подвергнут его жестокому обращению.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 В своем представлении от 19 августа 2018 года заявитель оспаривает аргумент государства-участника относительно приемлемости его жалобы, утверждая, что он поднял вопросы существа в соответствии со статьей 3 Конвенции, в частности вопрос о том, оценили ли должным образом Миграционное агентство Швеции в своем решении от 15 января 2018 года и Апелляционный суд Свеаланда при рассмотрении его уголовного дела заявленную им потребность в международной защите. Апелляционный суд Свеаланда как суд общей юрисдикции, не специализирующийся на делах о предоставлении убежища, был обязан запросить мнение Миграционного агентства до принятия постановления о высылке заявителя. Однако Миграционное агентство не имело доступа к видеозаписи заявления Рамзана Кадырова 2015 года, когда оно представляло свое мнение Апелляционному суду. Ссылки на этот видеоматериал в определении Апелляционного суда Свеаланда недостаточно для того, чтобы показать, что суд включил содержание видеозаписи в рассматриваемые материалы, поскольку по шведскому законодательству предполагается, что суд общей юрисдикции не обладает достаточной компетенцией в вопросах предоставления убежища. Нигде не указано, что какой-либо шведский суд или Миграционное агентство просматривали эту видеозапись, а в решении Миграционного агентства от 15 января 2018 года прямо говорится, что этот видеоматериал не был предоставлен в его распоряжение. Помимо этого, хотя Апелляционный суд прямо сослался на заявление Чеченского центра по правам человека от 17 июня 2016 года, которое касалось автора сообщения, этот материал следовало бы также передать Миграционному агентству.

5.2 Что касается продолжения проживания заявителя в Российской Федерации до 2002 года, то сам по себе факт отсутствия, насколько ему известно, его розыска властями не свидетельствует о том, что власти не проявляли к нему интереса. Если бы у чеченских властей были ресурсы для того, чтобы подвергнуть преследованиям каждого, кто связан с повстанческим движением, не было бы никакого повстанческого движения. Кроме того, положение в Чечне изменилось по сравнению с 1999–2002 годами, поскольку Ахмат Кадыров получил нынешний уровень контроля над Чечней только после того, как заявитель уже покинул Российскую Федерацию.

5.3 Что касается возвращения заявителя в Российскую Федерацию и его контактов с российскими властями, то это возвращение ограничивалось однодневным посещением Гудермеса примерно в 2005 году, для которого заявитель воспользовался документами, одолженными у друга. Далее он заплатил посреднику за получение международных паспортов, а также за внесение в его внутренние паспорта регистрации его детей и въездных штампов. Когда власти выдали эти документы, он находился за пределами Российской Федерации. Этот рассказ подтверждается оценкой шведской пограничной полиции, отметившей, что подделка фотографии в паспорте была «очень искусной». Власти не объяснили, зачем заявителю нужен фальшивый паспорт, если у него нет проблем с российскими властями. Он спрятал паспорта в аэропорту только из опасения высылки. В отношении поездки его жены и детей в Чечню заявитель отмечает, что фамилия его жены является распространенной в Чечне, что его жена проявляла осторожность, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, и что их пребывание в Чечне мало связано с личным риском заявителя подвергнуться в Российской Федерации обращению, противоречащему статье 1 Конвенции.

5.4 Что до риска заявителя подвергнуться такому обращению по причине деятельности его отца, то заявитель отмечает, что Суд по миграционным делам прямо не ставил под сомнение правдивость его рассказа о нападении сил Кадырова на дом его отца в 1999 году. Суд по миграционным делам не оспорил также утверждение о том, что отец заявителя был известным советником Аслана Масхадова. Видеозапись заявления Рамзана Кадырова 2015 года показывает, что он все еще считал отца заявителя достаточно видимым врагом, чтобы упоминать о нем, угрожать ему и унижать его в публичной обстановке. Никто из членов семьи заявителя не проживает в Российской Федерации до настоящего времени. Практика применения чеченскими властями коллективных наказаний в отношении семей, которых они считают врагами,

противоречит утверждению государства-участника о том, что заявитель не рискует подвергнуться пыткам или жестокому обращению в связи с событиями, имевшими место до и в течение 2002 года.

5.5 Связь заявителя с X должна рассматриваться в контексте семейных контактов и биографии заявителя. Таким образом, заявителя можно считать противником чеченского режима.

Дополнительные замечания государства-участника

6. 21 ноября 2018 года государство-участник направило еще одно представление, в котором оно возражает против утверждения заявителя о том, что оно не оспорило ряд его заявлений. Оно отмечает, что заявитель не объяснил, каким образом он мог получить свидетельство о браке или свидетельства о рождении своих детей без личного присутствия в Российской Федерации. Государство-участник напоминает об оценке Миграционного агентства, согласно которой рассказы заявителя являются неясными и противоречивыми, в том числе в отношении штампов в его паспортах, хотя заявитель имел несколько возможностей устно и письменно разъяснить неясные моменты в его ходатайстве о предоставлении убежища. Нет никаких признаков того, что внутренние процедуры были ненадлежащими или произвольными или равнозначными отказу в правосудии.

Комментарии заявителя к дополнительным замечаниям государства-участника

7.1 4 декабря 2018 года заявитель представил комментарии к дополнительным представлениям государства-участника, вновь заявив, что государство-участник не представило никаких аргументов, опровергающих утверждение заявителя о том, что его отец был советником Аслана Масхадова, а также о его выезде в изгнание после нападения на его дом сил, верных Рамзану Кадырову; о помощи заявителя повстанческому движению в период 1999–2002 годов; и об отсутствии у Миграционного агентства, по его собственному признанию, доступа к видеозаписи заявления Рамзана Кадырова 2015 года.

7.2 Заявитель получил свидетельства о рождении своих детей через российские посольства за рубежом и, таким образом, не должен был ехать в Российскую Федерацию для их получения. Свидетельство о браке было получено в Чечне женой заявителя, но этого недостаточно, чтобы опровергнуть утверждение заявителя о том, что по возвращении в Российскую Федерацию он рискует подвергнуться обращению, противоречащему статье 1 Конвенции.

Дополнительные представления сторон

Представление государства-участника

8. В своих дополнительных замечаниях от 20 февраля 2019 года государство-участник ссылается на рассказ заявителя о получении им свидетельств о рождении своих детей через российские посольства, а не в Российской Федерации. Доверие к его словам подрывает тот факт, что заявитель привел этот аргумент только в своих комментариях от 4 декабря 2018 года после того, как государство-участник указало на эти расхождения. Государство-участник вновь заявляет о своем возмущении против утверждения заявителя о том, что оно не оспорило некоторые из его заявлений, и ссылается на свои предыдущие представления, касавшиеся положения и деятельности отца заявителя.

Представление заявителя

9.1 В своих дополнительных комментариях от 11 июля 2019 года заявитель утверждает, что его отец законно живет в Турции под другим именем. Заявитель представляет копии своего свидетельства о браке, свидетельств о рождении его детей, повестки, направленной российскими властями, и паспорта, с которым он въехал в Швецию.

9.2 8 августа 2019 года заявитель отметил, что ему ничего не известно о каких-либо последующих мерах со стороны российских властей в связи с невыполнением им предписанной в повестке явки на допрос 6 октября 2016 года, утверждая, что его содержание под стражей с 2015 года лишило его возможности глубже исследовать этот вопрос. Ему также неизвестно о конкретных обвинениях в его адрес, но он полагает, что повестка объясняется его тесными отношениями с X или его материальной и финансовой поддержкой повстанческого движения в Чечне. Заявитель ссылается на общедоступную информацию относительно X и заявителя, хотя последний и не упоминается по имени, к информации о котором, по его убеждению, российские власти также имеют доступ. Помимо обвинений в убийствах, российские власти весьма заинтересованы в любых сведениях, порочащих X, и вполне вероятно, что заявитель в силу своих отношений с X также представляет интерес для российских властей. Кроме этого, тот факт, что отец заявителя является известным противником Рамзана Кадырова, по всей видимости, усиливает интерес и недобрые намерения российских властей в отношении заявителя.

9.3 В прошлом отец заявителя имел статус беженца в Турции. Турецкие власти не удовлетворили просьбу заявителя о документальном подтверждении его прежнего статуса. Его отцу пришлось сменить имя после натурализации в силу юридических причин.

9.4 Заявитель вступил в брак по религиозным канонам в 2001 году, но у него возникла необходимость зарегистрировать брак только в 2006 году, когда его семья готовилась к переезду в Дубай. Он лично не присутствовал при выдаче свидетельства о браке. Вместо этого его жену сопровождал его двоюродный брат, так как его дядя дал взятку должностному лицу, ответственному за выдачу свидетельства. В паспорте заявителя, выданном в 2004 году, отсутствуют российские въездные или выездные штампы, что свидетельствует о том, что на момент выдачи свидетельства о браке он не находился в Российской Федерации. В свидетельстве о рождении одного из детей заявителя не значится имя отца, так как в тот период он не чувствовал себя в безопасности после ареста его отца в 2004 году.

Представление государства-участника

10.1 В своих дополнительных замечаниях от 6 сентября 2019 года государство-участник отвечает на дополнительные представления заявителя от 11 июля 2019 года и 8 августа 2019 года. Оно ссылается на свое предыдущее представление относительно повестки и, упоминая о несогласии заявителя с оценкой повестки государством-участником, вновь заявляет, что ему следовало обжаловать решение Миграционного агентства от 15 января 2018 года. Что касается утверждения заявителя о том, что ему неизвестно, принимали ли российские власти последующие меры в связи с повесткой, полученной им в 2016 году, но он не мог глубже изучить этот вопрос с учетом его содержания под стражей с 2015 года, то государство-участник отмечает, что его содержание под стражей не помешало ему получить повестку. Заявитель всего лишь строит догадки в отношении предъявляемых ему конкретных обвинений.

10.2 Государство-участник подтверждает свою позицию в отношении контактов заявителя с российскими властями. Миграционное агентство Швеции сочло неправдоподобным рассказ заявителя о его контактах с российскими властями и о его местонахождении при получении своего загранпаспорта в 2004 году. Проставленные в его внутреннем паспорте штампы и внесенные в его внутренний паспорт записи о регистрации детей показывают, что он находился в России и контактировал с российскими властями при выдаче его загранпаспорта в 2004 году и тогда, когда в его внутреннем паспорте проставлялись штампы для подтверждения регистрации брака в 2006 году. Миграционное агентство Швеции сослалось на информацию о паспортных процедурах в Российской Федерации, указав, что человек должен лично присутствовать при подаче заявления на оформление загранпаспорта и при его получении, что он обязан предъявлять внутренний паспорт и что проводится проверка на предмет издания какого-либо ордера в отношении претендента.

10.3 Что касается утверждения заявителя о том, что он нуждается в защите в связи с положением и деятельностью его отца в Чечне, то государство-участник вновь

излагает свои предыдущие соображения в этой связи и вновь выражает сомнение в том, что российские власти проявили бы интерес к заявителю на этом основании с учетом того, что заявитель оставался в своем родном районе в течение трех лет после бегства его отца. Таким образом, заявитель не смог убедительно продемонстрировать, что ему угрожает предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 1 Конвенции, по его возвращении в Российскую Федерацию, в связи с чем жалоба должна быть признана неприемлемой.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

11.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет должен установить, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. Согласно требованию, содержащемуся в пункте 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет удостоверился, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

11.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никакую жалобу от какого-либо лица, если он не удостоверился в том, что это лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты. Он отмечает, что в данном случае государство-участник не оспорило утверждение заявителя об исчерпании им всех имеющихся внутренних средств правовой защиты. Поэтому Комитет делает вывод о том, что ничто не препятствует ему в рассмотрении данного сообщения на основании пункта 5 b) статьи 22 Конвенции.

11.3 Государство-участник заявляет, что данная жалоба неприемлема как явно необоснованная. Тем не менее Комитет считает, что в связи с аргументами заявителя возникают предметные вопросы, которые следует рассмотреть по существу. Соответственно, Комитет не усматривает никаких препятствий для признания сообщения приемлемым, объявляет его приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

12.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему заинтересованными сторонами.

12.2 В данном случае вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, будет ли возвращение заявителя в Российскую Федерацию представлять собой нарушение обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

12.3 Комитет должен определить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю по возвращении в Российскую Федерацию будет лично угрожать опасность подвергнуться пыткам. При оценке такого риска Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства во исполнение пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такого определения является установление того, будет ли соответствующему лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую оно подлежит возвращению. Из этого следует, что существование в той или иной стране практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для определения того, что конкретному лицу по возвращении в эту страну будет угрожать опасность подвергнуться пыткам; должны быть приведены дополнительные основания, свидетельствующие о том, что соответствующее лицо будет лично подвергаться риску. И наоборот, отсутствие

постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не может подвергнуться пыткам в конкретных обстоятельствах³.

12.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22, в соответствии с которым Комитет будет оценивать «серьезные основания» и считать опасность применения пыток предсказуемой, личной, существующей и реальной, если существование достоверных фактов, касающихся самой опасности, на момент принятия им решения могло бы затрагивать права заявителя по Конвенции в случае его депортации (пункт 11).

12.5 Комитет напоминает, что бремя доказывания возлагается на автора сообщения, который должен представить аргументированное изложение дела, т. е. представить обоснованные аргументы, показывающие, что опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, существующей, личной и реальной⁴. Комитет в значительной степени опирается на заключения по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника; тем не менее он не считает себя связанным такими заключениями. Комитет будет осуществлять свободную оценку имеющейся у него информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу⁵.

12.6 Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что существуют серьезные основания полагать, что по возвращении в Российскую Федерацию он подвергнется пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он утверждает, что эта угроза обусловлена интересом Рамзана Кадырова к заявителю, поскольку он является сыном советника Аслана Масхадова, по причине его собственной помощи повстанческому движению в период 1999–2002 годов и из-за его тесных отношений с Х. Он также утверждает, что в 2002 году российские власти применяли к нему пытки в связи с его помощью повстанцам.

12.7 Что касается утверждения заявителя о том, что он подвергался пыткам в связи с оказанием помощи одному из повстанческих движений, то Комитет отмечает, что органы государства-участника сочли рассказ заявителя неясным и вызывающим сомнения в достоверности, при этом он не рассеял такие сомнения разумными объяснениями. Кроме того, Комитет напоминает, что предыдущее применение пыток, хотя и является одним из возможных признаков личной опасности подвергнуться обращению, противоречащему статье 1⁶, само по себе не является определяющим при ответе на вопрос о том, подвергнется ли заявитель такой опасности в настоящее время⁷.

12.8 Что касается опасений заявителя относительно интереса к нему Рамзана Кадырова в связи с политической деятельностью его отца, то Комитет отмечает, что, несмотря на возражения государства-участника против утверждения заявителя о том, что оно не оспорило некоторые из его утверждений, и подтверждение государством-участником того, что он не представил письменных доказательств в этой связи, шведский Суд по миграционным делам в своем решении от 28 марта 2014 года заявил, что он не ставит под сомнение достоверность рассказа заявителя о вторжении сил Рамзана Кадырова в дом его отца в 1999 году. Комитет далее отмечает, что, по утверждению заявителя, о сохраняющемся интересе к нему Рамзана Кадырова свидетельствуют видеозапись 2015 года, на которой он заявляет, что он «ранее убивал таких людей, как они», имея в виду отца заявителя, а также повестка, подписываемая заявителю явиться на допрос.

12.9 В этом отношении Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что прошло много времени с тех пор, как отец заявителя в последний

³ См. *Л.А. против Швеции* (CAT/C/66/D/729/2016), пункт 9.3, и *М.С. против Дании* (CAT/C/55/D/571/2013), пункт 7.3.

⁴ Замечание общего порядка № 4, пункт 38.

⁵ Там же, пункт 50.

⁶ Там же, пункты 18 d), 29 e) и 45 g).

⁷ См., например, *X, Y and Z v. Sweden* (CAT/C/20/D/61/1996), para. 11.2; и *Б.Н.Т.К. против Швеции* (CAT/C/64/D/641/2014), пункт 8.7.

раз проявлял политическую активность в 1999 году. Аналогичным образом оказание заявителем, по его утверждению, помощи чеченским повстанцам имело место давно и было прекращено за 14 лет до получения им повестки о явке на допрос в 2016 году.

12.10 Далее Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что заявитель возвращался в Российскую Федерацию и что его жена и дети, двое из которых носят фамилию заявителя, получили паспорта в российских посольствах в 2006, 2011 и 2012 годах, что у них не было с этим никаких проблем и что они возвращались в Российскую Федерацию четыре или пять раз навестить родственников. Кроме того, как отметило Миграционное агентство Швеции в своем решении от 26 августа 2013 года, жена заявителя утверждала, что почти все знают о ее свекре и что она замужем за его сыном, и, хотя она стремилась не привлекать внимания, находясь в Чечне, она получила свидетельство о браке от местных властей. Хотя жене заявителя задали вопросы о ее личности, чадре и отце ее детей, в жалобе не утверждается, что во время поездок в Российскую Федерацию они сталкивались с какими-либо проблемами, которые подтверждали бы утверждение заявителя о грозящей ему опасности подвергнуться обращению, противоречащему статье 1 Конвенции. Комитет далее отмечает, что заявитель и государство-участник не согласны между собой в вопросе о том, возвращался ли заявитель в Российскую Федерацию также в других случаях, кроме заявленного им возвращения на один день в 2005 году. Комитет отмечает, что сличение внутреннего и заграничного паспортов заявителя, как представляется, приводит к противоречивым выводам в этом отношении и что власти государства-участника не сочли достоверным рассказ заявителя об обстоятельствах получения им своего загранпаспорта. Он также отмечает, что государство-участник пришло к выводу о том, что его внутренний паспорт был подделан. Он далее отмечает, что тот факт, что его жена и дети, двое из которых носят его фамилию, неоднократно контактировали с российскими властями и посещали Российскую Федерацию в условиях, когда их личность была хорошо известна, но это не привело к каким-либо проблемам, не подкрепляет утверждение заявителя о том, что ему угрожает предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 1, по возвращении в Российскую Федерацию в связи с событиями, предшествовавшими этим контактам.

12.11 Что касается утверждения заявителя относительно его связи с X в результате их осуждения по одному делу, а также повестки, которая, по его мнению, связана либо с его помощью повстанческому движению, либо с его отношениями с X, то Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что объяснение заявителя по поводу повестки является надуманным и не свидетельствует о том, что он разыскивается в Российской Федерации в связи с X. Он также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что у российских властей не будет оснований ассоциировать заявителя с X, кроме того факта, что они вместе были осуждены в Швеции. Помимо этого, Комитет принимает к сведению, что, как отметило государство-участник, повестка была заполнена одним и тем же почерком и не содержит упоминания о преступлении, в котором подозревается заявитель. Он также отмечает, что, хотя заявитель поясняет, что ему не известно, приняли ли российские власти последующие меры в связи с его неявкой по повестке, поскольку его содержание под стражей с 2015 года лишило его возможности глубже изучить этот вопрос, государство-участник отмечает, что сначала содержание заявителя под стражей явно не помешало ему получить повестку. Комитет полагает, что очевидное отсутствие с 6 октября 2016 года последующих усилий со стороны российских властей, направленных на обеспечение явки заявителя в качестве подозреваемого в уголовном деле, и отсутствие связей между заявителем и X, кроме их осуждения, не подкрепляет его утверждения о том, что ему угрожает предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 1, по возвращении в Российскую Федерацию по причине его взаимоотношений с X.

12.12 В свете вышеизложенного, включая отсутствие каких-либо проблем у жены и детей заявителя в Российской Федерации и с российскими властями, а также каких-либо признаков того, что российские власти приняли последующие меры из-за невыполнения заявителем требований повестки 2016 года, доказательная сила которой

была поставлена под сомнение государством-участником, Комитет считает, что он не в состоянии также сделать вывод о том, что на такую опасность указывает предположительно сделанное Рамзаном Кадыровым в 2015 году заявление, будто бы он «ранее убивал таких людей, как» отец заявителя.

12.13 Комитет ссылается на пункт 38 своего замечания общего порядка № 4, согласно которому бремя доказывания возлагается на автора сообщения, который должен представить аргументированное изложение дела. По мнению Комитета, в настоящем деле заявителю не удалось справиться с этой задачей. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что заявитель не привел достаточных оснований для того, чтобы полагать, что по возвращении в Российскую Федерацию ему там будет угрожать реальная, предсказуемая, личная и существующая опасность подвергнуться пыткам.

13. Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу о том, что высылка заявителя государством-участником в Российскую Федерацию не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.
